I. Дискуссия о тоталитаризме

Леонид Люкс

О двойственности сталинизма и национал-социализма

Режимы, установленные Сталиным и Гитлером, воплощавшие, по определению, неограниченный произвол, зависели в значительной степени и от политических способностей, и от настроений обоих диктаторов. Можно ли обнаружить, несмотря на это, определенную логику в функционировании этих режимов? Можно ли совместить произвол и «рациональность»? В статье предпринята попытка решения этой квазиквадратуры круга.

В этой связи я хотел бы указать на двойственность, типичную для политического образа действий обоих диктаторов. Их захватывающие дух успехи были достигнуты не в последнюю очередь благодаря тому, что доктринерская и параноидальная картина мира соединялась у них со способностью действовать в духе Николо Макиавелли. Они были непредсказуемы и предсказуемы одновременно, чем запутывали и деморализовывали как противников, так и союзников.

Эта двойственность проходит красной нитью через деятельность обоих тиранов, на этом, в определенном смысле, базировалась вся логика их господства. Эта двуликость сталинизма и национал-социализма, их маятниковые движения между доктринерским и прагматичным полюсами, затрудняют для многих наблюдателей классификацию этих систем. Одни склоняются к переоценке оппортунистского, другие - догматического компонента в поведении обоих диктаторов и оставляют без внимания тот факт, что связь между этими двумя аспектами составляла суть режимов и обуславливала их беспрецедентные триумфы.

Лев Троцкий называл Сталина «термидорианцем» [1], не осознав значения начатой в 1929 году сталинской «революции сверху». Ведь в противоположность Термидору при сталинизме речь ни в коем случае не шла о попытке положить конец утопической террористической фазе революции. Наоборот, именно Сталин довел террористическую линию развития русской революции до ее апогея.

[1] Lev Trotzki: 1, Sowjetgesellschaft und stalinistische Diktatur, Band 1 (1929-1936), hrsg. von H.Dahmer, R.Segall, R.Tostorff, Frankfurt/Main 1988, c.47-49, 227-229, 403-405, 581-583.

Исаак Дойчер, разделяющий, по существу, взгляды Троцкого на «термидорианский» характер сталинского режима, выдвигает тезис, более точно определяющий суть сталинской эпохи. Сталинский переворот был, по его мнению, еще более глубоким, чем октябрьский переворот 1917 года. Именно Сталин создал в России ситуацию, из которой возвращение к предреволюционным условиям стало невозможным[2].

И действительно, только Сталину удалось осуществить основной постулат марксизма – ликвидацию частной собственности. В июле 1932-го, к моменту, когда задача экспроприации собственности у более чем 100 млн. русских крестьян была почти осуществлена, Сталин писал своим соратникам, Молотову и Кагановичу: «Капитализм не мог бы разбить феодализм, он не развился бы и не окреп, если бы не объявил принцип *частной* собственности *основой* капиталистического общества (...). *Социализм* не сможет добить и похоронить капиталистические элементы (...), если он не объявит *общественную* собственность (...) священной и *неприкосновенной* «[3].

Но Сталин осуществил не только основной постулат «Коммунистического манифеста», сформулированный Марксом и Энгельсом, - «уничтожение частной собственности». Также и воплощение ленинской мечты о создании дисциплинированной партии, которая действует, а не вечно дискутирует[4], стало возможным только в сталинскую эпоху. Сам Ленин, несмотря на свою уверенность в необходимости партийной дисциплины, не был в состоянии превратить созданную им партию в монолит. Это удалось только Сталину, и именно к началу 30-х годов, в период коллективизации сельского хозяйства. Тип большевика меняется, писал в 1932 г. эмигрантский историк Георгий Федотов. Безусловное проведение «генеральной линии» стало для партийного руководства теперь гораздо важнее добровольного признания большевистских идей. Партийная дисциплина ценится выше, чем революционный идеализм [5].

За дисциплинированием партии последовало ее обезглавливание в 1936-38 гг., во время «большого террора». Радикально-непредсказуемый и параноидальный харак-

---

[2] Isaac Deutscher: Russia after Stalin with a postscript on the Beria affair, London1953, c.97-98.

[3] Сталин и Каганович. Переписка. 1931-1936 гг. М. 2001, с.240-241.

[4] См. Валентинов, Николай (Вольский): Встречи с Лениным, 2-е изд. Нью-Йорк 1979, с.252ff.

[5] *Федотов, Георгий*: Правда побежденных, в: Современные записки N.51, 1932, с.360-385, здесь с.381-382.

тер сталинского режима обнаруживается теперь с полной ясностью. Вопреки общераспространенному мнению, начавшаяся в 1936 г. кампания тотальных репрессий была в первую очередь направлена не на сведение счетов Сталина с его критиками, бывшими партийными оппозиционерами. Последние с конца 20-х годов больше не играли существенной политической роли. Борьба с ними являлась только маргинальным аспектом «большого террора». В центре внимания диктатора была господствующая властная элита, которая состояла в своем преобладающем большинстве из убежденных сталинистов. Таким образом, сталинский режим потрясал собственную основу. Это было операцией беспрецедентного размаха, которую невозможно сравнивать даже с якобинским террором. Во Франции через 2 года после начала террора, 9-го Термидора 1794-го, удалось лишить власти тирана. В Советском же Союзе Термидор состоялся лишь после смерти деспота – на XX съезде КПСС.

Сталинская мания преследования распространялась, как правило, не только на его партийных соратников, но и на их семьи. Председатель Коминтерна Димитров цитирует в своем дневнике следующее высказывание Сталина от ноября 1937-го: «Мы уничтожим каждого из врагов, даже если он старый большевик, мы полностью уничтожим его род, его семью. Каждого, кто в своих действиях и в мыслях (именно так - *Л.Л.*) предпримет покушение на единство социалистического государства, мы уничтожим безжалостно»[6].

Сталин однако умел отделять свой радикально-доктринерский и непредсказуемый внутриполитический курс от внешней политики. Именно поэтому с середины 30-х годов Советский Союз стал самым главным сторонником политики коллективной безопасности в Европе. Тогда же и Коминтерн отказался от выдвинутой им в 1928 году саморазрушительной теории социал-фашизма и объявил о готовности сотрудничать со всеми силами, находящимися под угрозой ультраправых режимов и партий. Даже осуждаемая до этого времени «буржуазная демократия» была реабилитирована сталинским руководством. На VII конгрессе Коминтерна в июле 1935 г. Георгий Димитров объяснял: коммунисты не являются анархистами, им ни в коем случае не может быть безразлично, господствует ли в определенной стране «буржуазная» демократия или фашистская диктатура. Теперь коммунисты должны бороться за каждую крупицу демократии в капиталистических странах[7].

От этого умеренного и прозападного курса Сталин отказался только после Мюнхенского соглашения, когда ему стало ясно, каких размеров достигло западное пораженчество (Appeasement) по отношению к Третьему рейху. Сталин не устоял перед

[6] Georgi Dimitroff: Tagebücher 1933-1945, hrsg. v. B.H.Bayerlein, Berlin 2000, c.162.
[7] VII Congress of the Communist International. Abridged Stenographic Report of Proceedings, Москва 1939, c.360-361., 368-370.

иллюзией возможности компромисса с Гитлером. Иллюзии, от которой западные страны освободились уже в марте 1939-го - после оккупации Праги немецкими войсками. Западная политика соглашательства по отношению к Третьему рейху в 1934-38 гг. была продолжена в 1939-41 гг. на Востоке.

Осторожная и гибкая внешняя политика Сталина в 1934-41 гг. побудила некоторых авторов к переоценке прагматичного компонента в его поведении: «Сталин руководствовался в своей внешней политике не чувствами или идеологией», - писал недавно Габриель Городецкий и добавлял: «Политика Сталина представляется совершенно разумной и продуманной, беззастенчивой и реалистичной, служащей ясно очерченным геополитическим интересам»[8].

При такой стилизации политики Сталина как бы под традиционалистскую политику царизма Городецкий оставляет без внимания тот факт, что компонент мировой революции из сталинской внешней политики никогда не исчезал. Он потерял, правда, свой приоритет по сравнению с раннебольшевистским периодом, но ни в коем случае не прекращал формировать советскую мировую политику. Несмотря на это рискованная игра ва-банк была чужда внешнеполитическому образу действий Сталина. В этом его курс коренным образом отличался от курса Гитлера. В качестве исторических детерминистов коммунисты, в том числе и Сталин, были убеждены в том, что победа коммунизма в мировом масштабе и без того неизбежна. Они не должны были для этой победы всё ставить на карту. Для Гитлера положение дел выглядело иначе. Он считал себя единственным политиком, который в состоянии решить такие грандиозные задачи, как захват жизненного пространства на Востоке или объявленное им «окончательное решение еврейского вопроса». Гитлер не верил в достойных наследников.[9] Франк-Лотар Кроль пишет о его «финалистском» мышлении. По представлениям Гитлера, решительную борьбу между арийской и еврейской расами нужно вести до неизбежного конца: «Так или иначе будет достигнуто окончательное завершение всей прежней истории, представляемое не (...) как неопределенная возможность в туманном будущем. Завершение и конец были близки как никогда ранее и должны были произойти непосредственно еще при жизни Гитлера»[10].

Таким образом, Гитлер находился в постоянном цейтноте, что обуславливало непрерывную радикализацию его расовой и внешней политики. У этой радикализации имелась также и другая причина - тот факт, что национал-социалистский режим

[8] Gabriel Gorodetsky: Die große Täuschung, Berlin 2001, с.403.
[9] См. Max Domarus: Hitler. Reden und Proklamationen 1932-1945, Band 1, Wiesbaden 1973, т 1, с.745.
[10] Frank-Lothar Kroll: Geschichte und Politik im Weltbild Hitlers // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte 3/1996, с.327-353, здесь с.337.

был, в отличие от большевистского, установлен не в результате насильственного свержения предыдущего режима, а вследствие компромисса с господствующими элитами. Национал-социалисты пытались завуалировать это обстоятельство. Передача власти стала «захватом власти», была стилизована под «революцию». Между тем путь социальной революции из-за союза НСДАП с консервативной элитой в Германии был закрыт. Территориальная экспансия являлась, по сути, единственным вентилем для снятия накапливаемых напряжений.

Национал-социализм, будучи все более непредсказуемым в своей внешней политике, казался, несмотря на происходящие эксцессы, величиной, которую его консервативные союзники внутри Германии держали под контролем. Логика гитлеровской системы коренным образом отличалась от сталинской. Национал-социализм был непредсказуем во внешней, но с определенной точки зрения предсказуем во внутренней политике для его консервативных партнеров по коалиции. В благодарность за победу над «второй» национал-социалистской революцией с ее «антикапиталистической» и антифеодальной устремленностью, которую воплощал вождь СА Эрнст Рем, консервативный истеблишмент предоставил режиму налаженный и весьма эффективный военный, государственный и экономический аппарат. Это позволило Гитлеру в течение короткого времени достигнуть беспрецедентных внешнеполитических успехов. Несмотря на определенный скепсис по отношению к авантюрному курсу режима сопротивление захватывало только небольшую часть консервативного истеблишмента. Такое положение вещей не меняли ни истребительная война на Востоке, ни Холокост. Таким образом, готовность к сопротивлению парализовывалась самим фактом, что цели консервативных союзников НСДАП, с некоторыми ограничениями, во многих пунктах совпадали с внешнеполитической программой Гитлера. Немецкий историк Манфред Мессершмит говорит в этой связи о «частичном тождестве целей»[11].

Чем ближе режим приближался к осуществлению своей расово-политической утопии, тем сильнее Гитлер воспринимал союз с консерваторами как оковы. И особенно после неудачного покушения 20 июля 1944 г. Он говорил: «Мы ликвидировали классовую борьбу слева, но при этом, к сожалению, мы забыли довести до конца классовую борьбу справа»[12].

Несмотря на свои антифеодальные обиды, Гитлер не решился, однако, на сведение счетов со старой элитой на сталинский манер, хотя он и восхищался образом

[11] Manfred Messerschmidt: Die Wehrmacht im NS-Staat // Karl-Dieter Bracher, Manfred Funke, Hans-Adolf Jacobsen, hrsg.: Deutschland 1933-1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft, Düsseldorf 1992, c.377-403.

[12] Ian Kershaw: Hitler 1936-1945, Stuttgart 2000, c.903.

действий Сталина по отношению к советской элите и офицерскому корпусу. Решающий бой с аристократией должен подождать до тех пор, пока не окончится война, - говорил он сразу после 20 июля. Сейчас не время для раскола народа[13].

Таким образом, гитлеровский режим, вопреки жестокой расправе с заговорщиками 20 июля и их семьями, сохранял даже в своей конечной фазе ту двойственность, которая была для него характерна с момента его возникновения.

Сталинский режим тоже был вплоть до смерти диктатора двуликим. Советская внешняя политика оставалась осторожной и гибкой, несмотря на беспрецедентное распространение влияния Москвы вследствие полного крушения ее традиционных соперников - Германии и Японии. Тот факт, что конфликт между Западом и Востоком после 1945 г. принял форму «холодной», а не «горячей» войны, указывает, что сталинская система располагала в своей внешней политике гораздо более эффективными механизмами контроля, чем гитлеровский режим. Относительная стабильность на внешнеполитическом фланге давала советскому руководству возможность сконцентрировать внимание в первую очередь на внутреннем фронте, и проводить революцию сверху вместе с восточноевропейскими коммунистами, превратившую страны-сателлиты в этом регионе за короткое время в копии Советского Союза.

Только после начала войны в Корее Сталин, как казалось, потерял характерную для него внешнеполитическую гибкость и попытался во всем соцлагере создать атмосферу решающего боя. В начале октября 1950 он писал руководителю китайской Коммунистической партии Мао Дзе-дуну: «Конечно, я считался (...) с тем, что несмотря на свою неготовность к большой войне, США все же из-за престижа может втянуться в большую войну (...). Следует ли этого бояться? По-моему, не следует, так как мы вместе будем сильнее, чем США и Англия, а другие капиталистические европейские государства без Германии, которая не может сейчас оказать США какой-либо помощи, - не представляют серьезной военной силы. Если война неизбежна, то пусть она будет теперь, а не через несколько лет, когда японский милитаризм будет восстановлен как союзник США».[14]

А в октябре 1952 г. Сталин писал в газете *Правда*: «Чтобы устранить неизбежность войн, нужно уничтожить империализм»[15].

Но даже и тогда образ действий Сталина отличался очевидной двойственностью. Он боялся прямо провоцировать США и вел в Корее войну в первую очередь с по-

[13] Там же.

[14] Оказать военную помощь корейским товарищам // Источник 1/1999, с.123-136, здесь с.133; см. также Волкогонов, Дмитрий: Семь вождей, т.1, М. 1995, с.296; Торкунов, А.В.: Загадочная война. Корейский конфликт 1950-1953 годов, М. 2000, с.116-117.

[15] Сталин, И.В.: Сочинения, т. 16, 1946-1952, М. 1997, с.179.

мощью так называемых «добровольцев» из Китая. Хотя, по расчетам Дмитрия Волкогонова, в этой войне принимали участие также тысячи советских армейских консультантов и пилотов. Однако многие носили корейскую или китайскую форму в целях маскировки, им было также строго запрещено появляться вблизи линии фронта, чтобы не попасть в плен[16].

Таким образом, сталинская система, как и гитлеровский режим, сохраняла свою двуликость до самого конца, оставаясь верной своей логике.

Этот текст базируется на докладе, прочитанном в марте 2003 г. в рамках конференции «Сталин – предварительные итоги с немецкой точки зрения» (Институт современной истории, Мюнхен).Немецкая версия статьи была опубликована в: Jürgen Zarusky, Hrsg.: Stalin und die Deutschen. Neue Beiträge der Forschung. München 206, S.225-230.

Авторизованный перевод с немецкого
Переводчик: Людмила Блюменкранц

[16] Волкогонов, Семь вождей, т 1, с.299-300.